

Борис СОПЕЛЬНЯК

ТРИ ПОКУШЕНИЯ НА ЛЕНИНА

Русская смута 1917–1922

Борис Сопельняк

Три покушения на Ленина

«ВЕЧЕ»

2017

Сопельняк Б. Н.

Три покушения на Ленина / Б. Н. Сопельняк — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Русская смута 1917–1922)

ISBN 978-5-4484-7522-1

Личность вождя мировой революции до сих пор окутана тайной. В своей документально насыщенной и увлекательной книге Борис Сопельняк рассказывает о малоизвестных фактах из жизни В.И. Ленина периода борьбы за власть, а также рассматривает все попытки покушений на легендарного Ильича. О покушениях на Ленина, о том, кто к ним причастен, о расследовании этих громких дел повествуется в этой исторической книге.

ISBN 978-5-4484-7522-1

© Сопельняк Б. Н., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Мишень – затылок Ильича	5
Последняя война царской армии	5
Тень огромной фигуры Ленина	12
Вагон, решивший судьбу России	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Борис Николаевич Сопельняк

Три покушения на Ленина

Мишень – затылок Ильича

Последняя война царской армии

Февраль 1917 года... Вся Европа изрезана траншеями и опутана колючей проволокой. Миллионы солдат сидят в окопах, а по ним методично ведут огонь десятки тысяч орудий и бомбят сотни самолетов. Их травят газами, рубят шашками, но на смену им приходят безумные юнцы, пожилые отцы семейств – и снова в дело идут газы, бомбы и снаряды. В российской армии, которая насчитывала шесть миллионов человек, в некоторых полках личный состав менялся по девять – десять раз. Всего же боевые потери России составили более десяти миллионов человек.

Между тем этих кровавых ужасов могло и не быть. Умнейшие люди России предупреждали царя, чтобы он не ввязывался в войну, они и говорили и писали, что «борьба с Германией представляет для нас огромные трудности и потребует неисчислимых жертв, противника она врасплох не застанет, а вот нас... Кроме того, мы зависим от немецкого капитала, и он выгоднее для нас, чем любой другой».

Увы, к такого рода предупреждениям царь был глух. А это привело к тому, что буквально через несколько месяцев со дня начала войны был израсходован почти весь запас снарядов, вместо винтовок в окопы присылали иконы, а вместо патронов – медали. Посетив передовую, председатель Центрального военно-промышленного комитета Александр Гучков, не скрывая ужаса, телеграфировал в Петроград: «Войска плохо кормлены, плохо одеты, завшивлены вконец, в каких-то гнилых лохмотьях вместо белья».

А ведь как все начиналось! Сохранилось довольно много воспоминаний о 1 августа 1914 года – дне, когда Германия объявила войну России. Русские – это понятно, русские были в таком патриотическом угаре, что вспоминали этот день как один из счастливейших в своей жизни. А как на это смотрели иностранцы, которые, конечно же, были куда объективнее? Мне удалось найти записки одного из высокопоставленных англичан, который волею судеб оказался в те дни в Москве. Вот что он, в частности, писал несколько лет спустя, пережив вместе с Россией все тяготы этих лет и чуть было не отдав богу душу от русской пули.

«Снова и снова я вижу эти трогательные сцены на вокзале: войска, серые от пыли и тесно размещенные в теплушках; огромная толпа народа на платформе, серьезные бородатые отцы, жены и матери, бодро улыбающиеся сквозь слезы и приносящие подарки, цветы и папиросы; толстые священники, благословляющие счастливых воинов.

Толпа бросается вперед для последнего рукопожатия, последнего поцелуя. Вот раздастся пронзительный свисток паровоза, затем, после нескольких неудачных попыток, перегруженный поезд, как бы нехотя отходящий, медленно уползает со станции и исчезает в сером полусвете московской ночи.

Я ухожу преисполненный надежды, которая заглушает голос рассудка. Такой России я никогда не знал, России, вдохновленной патриотизмом, корни которого, казалось, уходили далеко в почву. Кроме того, это была трезвая

Россия. Продажа водки была прекращена и волнующее религиозное чувство заменило пьянство, которое в минувших войнах было характерным при отъездах русских солдат.

Среди буржуазии был тот же энтузиазм. Жены богатых купцов соперничали друг с другом в пожертвованиях на госпитали. В государственных театрах давались торжественные спектакли в пользу Красного Креста. Был как бы пир национального чувства. Каждую ночь в опере и балете оркестр императорских театров играл национальные гимны России, Англии и Франции, выслушивавшиеся стоя. В эти великие недели 1914 года русскому патриотизму было чем питаться – война началась выступлением русских войск, при опубликовании сообщений о продвижении которых Москва во все горло выражала свою радость. Был в этом порыве и еще один подтекст: каждый либерально настроенный русский был уверен, что победа на фронтах принесет с собой конституционные реформы.

Что касается отношения народа к нам, англичанам, то оно было выше всяких похвал. Стоило нам появиться в публичном месте, например, в кафе или ресторане, как на авансцену выходил дирижер и громогласно объявлял: „Сегодня вечером мы имеем среди нас представителей нашего союзника Англии“. Оркестр играл английский гимн, вся публика вставала и аплодировала.

Как это ни странно, Москва не унывала даже тогда, когда пришла весть о разгроме русских армий у Мазурских озер. Тогда, под Танненбергом, русские потеряли 250 тысяч солдат и несчетное количество пушек. Патриотизм русских людей был настолько же высок, насколько и слеп: они не поняли самого главного – Танненберг был прелюдией русской революции. Для Ленина он был вестником надежды. За него ухватилась тайная армия агитаторов на заводах и в деревнях».

Между тем война продолжалась и стала затяжной. Побед становилось все меньше, а поражений – больше. А каких это стоило денег! Только суточные расходы на войну составляли от 24 до 55 миллионов рублей. Казна таких денег не имела – и пришлось залезать в долги. К 1917 году государственный долг России составил около 50 миллиардов рублей. Куда девались эти деньги, одному Богу ведомо, но, как я уже говорил, на фронте не хватало ни снарядов, ни патронов, ни шашек, ни винтовок.

О моральном духе и говорить нечего. На одном их секретных заседаний в августе 1915 года военный министр А. А. Поливанов, не скрывая горечи, сказал:

– На театре военных действий беспросветно. Отступление не прекращается. Вся армия постепенно продвигается в глубь страны, и линия фронта меняется чуть ли не каждый час. Деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры. По-прежнему ничего отрадного, бодрящего. Сплошная картина разгрома и растерянности. Уповаю на пространства непроходимые, на грязь непролазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя святой Руси.

И все же эта обескровленная и преданная командованием армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, то есть половину всех сил противника. Порой она даже предпринимала наступательные операции вроде Брусиловского прорыва в Галицию или удара по Восточной Пруссии группировки Самсонова, но заканчивались они почему-то крахом и позорным отступлением. Вот что писал в своих воспоминаниях один из участников брусиловской эпопеи генерал Деникин.

«Великая трагедия русской армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Из дня в день кровавые бои, из дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная... Помню сражение под Перемышлем в середине мая 1915-го. Одиннадцать дней жестокого боя, одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с их защитниками. Лилась кровь. Ряды редели, росли могильные холмы».

В еще более странном положении находился флот. Как известно, Ставка располагалась в Могилеве, поэтому ничего удивительного в том, что везде и всюду говорили, что «флотом командуют из болот Полесья и командуют по-болотному». Например, Ставка запрещала какую бы то ни было активность Балтийскому флоту, и это несмотря на то, что всю войну в распоряжении русских моряков был германский морской шифр, благодаря чему все намерения командующего германским флотом принца Генриха были известны заранее. Немцы об этом не догадывались, а наши адмиралы не нашли ничего лучшего, как передать этот шифр англичанам.

Так что Балтийский флот был заперт в Финском заливе, матросы от безделья начали бузить, а когда их попытались отправить в окопы, они мигом сообразили, что митинги с призывами прекратить войну куда лучше немецкого штыка.

Многие считают, что эти митинги и призывы воткнуть штыки в землю появились в результате стихийного недовольства масс. Глубочайшее заблуждение! Обратимся еще раз к воспоминаниям генерала Деникина.

«Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники, – писал он, – в последней мировой войне появилось новое могучее средство борьбы – пропаганда. Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами органы пропаганды вели страшную борьбу словом, печатью, фильмами и валютой, распространяя эту борьбу на территории вражеские и нейтральные, внося ее в области военную, политическую, моральную и экономическую».

Назову только одну цифру: Германия потратила на эти цели 382 миллиона марок, причем большую часть в России. На что шли эти деньги? Да на те же газеты, журналы, фильмы и, конечно же, миллионы листовок и прокламаций, которые распространялись в русских окопах с призывами к миру и прекращению войны.

Начальник германского Генерального штаба генерал Фангельгайн был по-солдатски откровенен и в одном из выступлений заявил:

– Пока Россия, Англия и Франция выступают вместе, мы не можем победить наших противников так, чтобы обеспечить себе достойный мир. Или Россия, или Франция должны быть отколоты. Прежде всего, мы должны стремиться к тому, чтобы вынудить к миру Россию.

Не дремали и немецкие дипломаты. Бывший германский посол в Петербурге Пурталес получил указание связаться с кем-нибудь из влиятельных лиц, чтобы с их помощью внести разлад между вдовствующей императрицей, царем и генералитетом. Задача: «Передать голубя с оливковой ветвью».

Первой работать на дело мира согласилась вдовствующая императрица Мария Федоровна, а вот жена его сына повела себя иначе – она сделала все возможное и невозможное, чтобы царь принял на себя верховное командование. Николай II колебался, ссылаясь на сложности в Думе, на слабовольных министров. Но Аликс, прекрасно понимая, что полковник, который не командовал даже батальоном, не сможет вести к победе шестимиллионную армию, настаивала на своем.

«Будь еще более самодержцем, мой горячо любимый, – писала она мужу. – Прояви свою решимость. Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом – сокруши их всех».

Восемь министров и несколько генералов, не побоявшись государева гнева, пытались отговорить царя от опрометчивого шага, но он внял настояниям императрицы, равно как и советам Распутина, и принял на себя верховное командование. Поговаривали, что царь пошел на это еще и потому, что в войсках с небывалой быстротой рос авторитет великого князя Николая Николаевича. Справедливости ради надо сказать, что один разумный шаг царь все же совершил: начальником штаба он назначил генерала Алексеева – и это успокоило офицерство, ведь командиры батальонов, полков и дивизий имели дело не с императором, а с начальником штаба.

Но императрица и ее окружение на этом не успокоились. Дело в том, что в Ставку из всех сил рвался Распутин – он хотел навести там такой же порядок, как и в Петербурге. Императрица завела разговор об этом с Алексеевым, убеждая его, что Распутин «старец чудный и святой», что посещение им Ставки принесет счастье. Алексеев сухо ответил, что если Распутин появится в Ставке, то он немедленно подаст в отставку. Императрица резко оборвала разговор и ушла, не попрощавшись. Несколько позже Алексеев писал: «Этот разговор повлиял на ухудшение отношений ко мне государя. Эти отношения не носили характера ни дружбы, ни даже исключительного доверия. Вопреки установившемуся мнению, царь никого не любил, разве только сына. В этом трагизм его жизни – человека и правителя».

Еще более определенно высказался по этому вопросу Николай Николаевич: он прямо заявил, что если Распутин попытается попасть в Ставку, то он его повесит.

Тогда же в армии зазвучало слово «измена». В воспоминаниях того же Алексеева есть поразительная фраза: «При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах – для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление: мало ли кто мог воспользоваться ею».

А в столице чрезвычайно популярным стал анекдот, который рассказывали как в казармах и на заводах, так и в роскошных гостиных.

Приехал будто бы с фронта на доклад к государю старый, боевой генерал. Идет по коридору Зимнего дворца и вдруг видит за портьерой плачущего царевича. Остановился. А царевич то плачет, то не плачет, то плачет, то не плачет.

«Что с тобой? – удивился генерал. – Почему ты так странно плачешь?»

«А я не знаю, когда мне плакать, – ответил мальчик. – Потому что, когда быют русских – плачет папа, когда быют немцев – плачет мама. Когда же все-таки плакать мне?»

Факты измены множились, столица гудела, армия роптала. Понимая, что надо что-то делать, председатель Государственной Думы Родзянко решился написать государю о той огромной опасности, которая угрожает династии и трону в связи с активным участием в управлении государством Александры Федоровны.

Увы, царь был глух и слеп... Он не раз говорил, что если в ком и уверен, то это в человеке в шинели. Его даже не насторожил тот факт, что когда осенью 1916 года он прибыл в войска и попросил выйти из строя старослужащих солдат, то есть тех, кто вместе с полком начинал войну, то выходило по два-три человека на роту, а кое-где не выходил никто.

Потери среди офицеров были просто катастрофические: в полку осталось по пять-шесть кадровых офицеров, остальные – бывшие приказчики, конторские служащие, недоучившиеся студенты, выходцы из отличившихся солдат. Иначе говоря, дворянско-офицерской касты практически уже не было, как не было и солдат, в силу многолетней выучки верных царю и отечеству. Пришедшие из тыла разночинцы и мобилизованные рабочие принесли в армию социал-

демократические идеи единства пролетариев всего мира, необходимости конституции и, самое главное, разлагающие солдат лозунги «За что воюем?» и «Долой войну!»

Результат этой пропаганды был ужасающий: осенью 1916 года в войсках произошло несколько крупных восстаний, охвативших более десяти тысяч человек.

Нечто подобное было и во Франции: достаточно сказать, что военные бунты охватили 28 дивизий, что путь на Париж был фактически открыт. Но генерал Петэн перехватил инициативу, приказал расстрелять зачинщиков – и на этом французская революция закончилась.

В России обстановка была куда более благоприятной. 22 февраля царь отбыл в Ставку. А 23-го на улицы Петрограда вышло 128 тысяч забастовщиков, в основном женщин – это был Международный женский день. С криками «Долой войну!» женщины ворвались в казармы запасного пехотного полка и... через некоторое время вышли оттуда в обнимку с солдатами, которые, конечно же, отказались разгонять демонстрацию.

В Петрограде был сотысячный гарнизон, да еще три с половиной тысячи городских, да жандармы, но... все имели строжайший приказ оружия не применять. И даже казаки, разгоня толпу, не имели права использовать шашки или нагайки, а лишь вытеснять людей в переулки с помощью лошадей.

Все больше солдат переходило на сторону забастовщиков, все больше оказывалось у них оружия, все чаще вспыхивали перестрелки между ними и верными царю ротами. 27 февраля был разгромлен арсенал, разогнана полиция, сожжен окружной суд, выпущены из тюрем арестанты. Толпы восставших смяли остававшиеся верными трону войска. На следующий день был захвачен Зимний дворец, а потом и Петропавловская крепость. И хотя отряд полковника Кутепова, в котором было более тысячи солдат, да еще орудия и пулеметы, решил стоять насмерть, великий князь Александр Михайлович велел им убираться прочь.

Вскоре был избран Совет рабочих и солдатских депутатов, который немедленно издал Приказ № 1, сыгравший роковую роль в развале армии. А пока что взбунтовавшиеся матросы залили кровью улицы Кронштадта, затем устроили дикую резню офицеров эскадры в Гельсингфорсе. Тогда же был убит командующий Балтийским флотом адмирал Непенин. Всего за эти дни погибло 1443 человека, в том числе 60 офицеров.

Между тем Приказ № 1 начал давать первые результаты. В соответствии с этим приказом во всех частях учреждались выборные комитеты, лишавшие офицеров дисциплинарной власти и отдававшие их самих под контроль комитетов. Иначе говоря, ни один командир не имел права ни послать в атаку, ни открыть огонь по наступающему противнику, не испросив на это согласия комитета.

Конечно же, немецкие войска не преминули воспользоваться этой бестолковщиной. Знаменательно, что именно в эти дни генерал Людендорф записал в своем дневнике вошедшую в историю фразу: «Я часто мечтал об этой революции, которая должна была облегчить тяготы нашей войны. Вечная химера! Но сегодня мечта вдруг исполнилась непредвиденно».

И как же на все это реагировал российский самодержец? Первый тревожный сигнал он получил от супруги, которая еще 26 февраля телеграфировала: «Я очень встревожена положением в городе». Затем ему телеграфировал Родзянко: «Положение серьезное. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога: чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца». На следующий день Родзянко был более краток, но и более категоричен. «Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

И что же царь? Не приняв никакого решения, обеспокоенный лишь участью семьи, 28-го утром он поехал в Царское Село. Два дня бесцельной поездки, два дня без надежной связи и информации о ежечасно изменяющихся событиях привели к тому, что дальше Вишеры его не пустили, – и царь повернул на Псков, в штаб Северного фронта, которым командовал генерал

Рузский. Именно там, в штабе Северного фронта, император принял решение о создании так называемого ответственного министерства. Но 2 марта Родзянко сообщил, что это решение запоздало, что «династический вопрос поставлен ребром и умиротворить страну может только отречение государя от престола». К этой просьбе присоединились командующие фронтами и флотами.

Вечером, когда в Псков приехали Гучков и Шульгин, государь объявил:

– Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До трех часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном не способен. Вы это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата.

Мало кто знает, чего стоило царю это решение, ведь он принял его после мучительного разговора с доктором Боткиным, который, нарушив врачебную тайну, заявил, что Алексей безнадежно болен и царствовать никогда не сможет.

Вот он, текст этого манифеста об отречении от престола. До недавнего времени он был тайной за семью печатями. Комментарии, как говорится, излишни, но в том, что он написан кровью сердца, нет никаких сомнений.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее нашего дорогого отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решающие дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола государства российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского.

Да поможет Господь Бог России.

Николай II».

Казалось бы, всё – Николай II теперь просто гражданин Романов, то есть обыкновенное частное лицо, а его сын – не больше чем безнадежно больной мальчик, но в душе бывшего царя бушевали страшные бури, и, прибыв рано утром в Могилев, он заявил генералу Алексееву.

– Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград.

Алексеев глянул – и обомлел. Государь писал о своем согласии на вступление на престол своего сына Алексея. Генерал ушел в свой вагон и... телеграмму отправлять не стал. Было слишком поздно – и стране, и армии объявили манифест об отречении.

Что касается нового императора Михаила II, то у него, судя по всему, была договоренность с руководителями Думы о том, что его правление должно быть более легитимным и скипетр он должен получить не из рук брата, а из рук полномочных представителей народа. Именно поэтому буквально на следующий день Михаил подписал манифест о своем отречении от престола. Текст этого документа весьма любопытен, поэтому стоит привести его полностью.

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны

и волнений народа. Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Михаил».

Судьба Михаила, как и судьба его старшего брата, трагична. В марте 1918 года его арестовали, затем сослали в Пермь и там, в семи километрах от Мотовилихи, зверски убили. Так сбылось старинное предсказание о том, что царствование Романовых Михаилом начнется и Михаилом же закончится.

Тень огромной фигуры Ленина

Но вот ведь незадача, пришедшее к власти Временное правительство и не думало прекращать войну и заключать сепаратный мир с Германией. Больше того, этого не хотела немалая часть солдат, и каких солдат – в самом прямом смысле слова прошедших огни и воды мировой войны. Сохранилось любопытное воспоминание одного из очевидцев малоизвестного события той поры. Вот что он, в частности, пишет.

«17 апреля в Петрограде состоялась грандиозная манифестация инвалидов, которая произвела большое впечатление на обывателей. Огромное число раненых из столичных лазаретов – говорят, что их было не менее 50 тысяч – в повязках, безногих, безруких двигалось по Невскому к Таврическому дворцу. Кто не мог идти, двигались в грузовых автомобилях, в линейках, на извозчиках. На знаменах были подписи: „Война до конца“, „Полное уничтожение германского милитаризма“, „Наши раны требуют победы“.

Искалеченные люди, несчастные жертвы бойни шли требовать, чтобы еще без конца калечили их братьев и сыновей. Это было действительно страшное зрелище!»

Как это ни странно, такого рода демонстраций под лозунгами «Война до конца» было немало – и Временное правительство решилось на наступление. Оно началось 18 июня 1917 года на Юго-Западном фронте. Поначалу все шло прекрасно: артиллерия смела вражеские заграждения, передовые части бросились в штыковую, выбили пехоту из окопов, но после двух дней ожесточенных боев наступательный порыв иссяк, и, захватив семь тысяч пленных и сорок восемь орудий, русские полки сначала остановились, а потом отошли на старые позиции.

Такая непредвиденная активность не на шутку встревожила и кайзера Вильгельма II, и австрийского императора Карла I.

«Мир с Россией, – писал Карл I своему германскому союзнику, – ключ к ситуации. После его заключения война быстро придет к благоприятному для нас окончанию».

А деньги? Неужели миллионы марок, выделенные на организацию беспорядков в России, потрачены впустую?! Приуныл даже такой записной оптимист, как генерал Людендорф. «В возможность мира с Россией никто не верит, – писал он в эти дни. – Даже имперский канцлер высказался в том духе, что в настоящий момент не имеется никаких видов на сепаратный мир с Россией. Впрочем, не все потеряно! – встрепенулся генерал буквально через несколько дней, когда узнал, что министерство финансов выделило „на политические цели в России“ еще пять миллионов марок. – Русские революционеры – вот кто нам поможет. Особенно те, которые выступают за поражение России в этой бесконечной войне».

Найти таких революционеров было проще простого, так как практически все они жили в нейтральной Швейцарии, и наиболее радикальных из них возглавлял Ленин. Это он ратовал не только за поражение России, но и за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Мудро, очень мудро поступили в свое время австрийцы, освободив его в самом начале войны из-под ареста в польском Новом Тарге и разрешив проезд через Вену в швейцарский Цюрих. Далеко, по-настоящему далеко, смотрел австрийский социал-демократ Адлер, явившийся на прием к министру внутренних дел.

– Ульянов – решительный противник царизма, – со знанием дела заявил Адлер. – Он посвятил всю свою жизнь борьбе против русских властей, и если бы он появился в России, с ним поступили бы по всей строгости. Возможно бы, даже казнили.

Министр был человеком дальновидным, просьбу Адлера понял с полуслова и тут же отправил телефонограмму в краковскую полицию:

«По мнению д-ра Адлера Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях».

Ленина тут же освободили, и, как я уже говорил, через несколько дней он оказался в Цюрихе, где смог, ничем не рискуя, заняться борьбой сперва против царя, а потом и против Временного правительства. Но самое главное, он делал все возможное и невозможное для разложения русской армии и поражения России в войне. Нетрудно понять, что это было на руку прежде всего Германии, которая воевала на два фронта. На Западном фронте немцам пришлось очень и очень туго, особенно после вступления в войну Соединенных Штатов Америки. Тот же Людендорф считал, что если не удастся перебросить из России на Запад хотя бы 70 дивизий, война может принять непредсказуемый характер.

Итак, русские революционеры... В эмиграции их было немало. Среди них и умеренные социал-демократы, и анархисты, и сторонники террора, и националисты, и меньшевики, и большевики.

Между собой они и спорили, и ссорились, и враждовали, но к власти рвались все. Наиболее последовательными и непримиримыми были, конечно же, большевики во главе с Владимиром Ульяновым, более известным под партийным псевдонимом Ленин.

Кто он, этот Ульянов-Ленин? Какого он роду-племени? Какая у него профессия? Почему он такой агрессивный? Почему желает зла России? На какие деньги он живет сам и содержит партию? Почему среди его окружения так много евреев? Эти и многие другие вопросы задавали не только журналисты и политические деятели, но и те, кого называют обывателями.

Как ни странно, ответы на эти вопросы удалось получить сравнительно недавно, когда приоткрылись массивные двери архивов.

Начнем с происхождения... Одно время ходил слух, что Владимир Ульянов чуть ли не столбовой дворянин, то есть дворянин старинного рода. Это далеко не так. Передо мной письмо директора училищ Астраханской губернии Аристова от 31 мая 1850 года, адресованное управляющему Казанским учебным округом, в котором он уведомляет, что «ученик вверенной мне гимназии, сын Астраханского мещанина Илья Ульянов просит моего ходатайства о помещении его на одну из стипендий в Казанский университет для дальнейшего образования. Он совершенно беден и круглый сирота».

Тут же документ на университетском бланке. «Илья Ульянов, из мещан, утвержден студентом 1 курса математического разряда».

Еще один любопытный документ. Называется он почему-то

«ВЫПИСЬ из Метрической книги на 1863 год.

Старший учитель Нижегородской гимназии Илья Николаевич Ульянов, православного вероисповедания, первым браком.

Дочь надворного советника Александра Дмитриевича Бланк

Мария Александровна Бланк, православного вероисповедания, первым браком.

Совершил таинство Юрий Алексеевич Соловод и дьячок
Николай Люминарский».

Работал Илья Николаевич усердно, за что в 1882 году был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени – это давало ему право на потомственное дворянство. А после его кончины Симбирское дворянское депутатское собрание внесло в дворянскую родословную книгу его вдову Марию Александровну и их детей: Александра, Владимира, Дмитрия, Анну, Ольгу и Марию.

А вот Мария Александровна происхождения весьма любопытного. Мне удалось найти ее родословную, правда, на шведском языке, – и в этом нет ничего странного – ведь по материнской линии она чистокровная шведка. В ее роду были перчаточник и золотых дел мастер по

фамилии Орстед, шляпочники Новелиус и Борг, купец Гросшопф, их жены из рода Нюман и Арнберг. А вот дочь Готлиба Гросшопфа – Анна вышла замуж за врача Александра Дмитриевича Бланка. О нем в родословной – почему-то ни слова. От этого-то брака и родилась Мария Бланк – впоследствии потомственная русская дворянка Мария Александровна Ульянова.

И все же тайну происхождения Александра Бланка, который являлся дедом Ленина, раскрыть удалось! Прежде всего, выяснилось, что никакой он не Александр, а Израиль, или, еще точнее, Сруль. Родился он в местечковом городке Староконстантинове в простой мешанской семье. Его отец был мудрым человеком и понимал, что детям надо дать образование, поэтому отправил Сруля и его брата Абея в Житомир, где они поступили в уездное училище. Учились братья хорошо и, конечно же, мечтали о получении высшего образования, но мешала так называемая черта оседлости – ни в один университет евреев не принимали.

И тогда их дядя, известный столичный купец, посоветовал отречься от своей веры и принять христианство. Поразмышляя и испросив согласие отца, братья крестились и стали православными христианами, а проще говоря, выкрестами.

Этого было достаточно, чтобы устранить какие бы то ни было препятствия для поступления в университет. Но Сруль, теперь Александр Бланк, решил стать врачом и поступил в Медико-хирургическую академию. По окончании академии Александр Бланк работал сперва земским врачом в Смоленской губернии, а потом в петербургской больнице Св. Марии-Магдалины. Врачом он был хорошим и, по слухам, даже спас жизнь тяжело больному Тарасу Шевченко.

Итак, все надежды Германии на заключение сепаратного мира с Россией были связаны с наиболее экстремистски настроенными революционерами, то есть с большевиками. Предельно цинично, но зато откровенно эту точку зрения выразил германский посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, который направил в МИД весьма красноречивый меморандум.

«По отношению к русской революции мы можем принять, по моему мнению, одно из следующих исходных положений: если мы экономическими и военными средствами продолжаем войну до осени, то очень важно сейчас способствовать усилению хаоса в России, и любое явное вмешательство в ход русской революции не должно иметь места. Но скрытно, по моему мнению, нам надо способствовать углублению раскола между умеренными и партией экстремистов. В наших интересах, чтобы последние взяли верх, так как в этом случае драматические изменения станут неизбежными и могут принять формы, которые потрясут само существование Российской империи... Я считаю, что мы должны поддержать экстремистов, так как именно это быстрее всего приведет к нужным нам результатам».

Сказано – сделано... Все знали, что партия экстремистов – это партия большевиков. А большевики – это Ленин. Значит, надо искать подходы к Ленину. И их нашли! В связи с этим настало время рассказать о весьма загадочной и в то же время скандально известной личности – я имею в виду Израиля Лазаревича Гельфанда, больше известного как Александр Парвус.

Израиль Лазаревич Гельфанд родом из местечка Березино Минской губернии. Его отец был простым ремесленником, но правдами и неправдами устроил сына в одесскую гимназию. В те годы наиболее популярными людьми среди молодежи были народовольцы, и, конечно же, рискованный местечковый парнишка не мог не примкнуть к борцам за народное дело. Так Израиль Гельфанд стал Александром Парвусом. Понимая, что в России он рано или поздно попадет в руки жандармов, Александр уехал в Швейцарию и поступил в Базельский университет, по окончании которого получил звание доктора философии. Чем может заниматься человек с дипломом доктора философии, если, конечно, не хочет каждый день подниматься на кафедру

и объяснять бестолковым студентам, чем отличается Гегель от Фейербаха? Конечно же, политикой, и только политикой!

Парвус это понял довольно рано, сделал соответствующие выводы и из тихой Швейцарии перебрался в бурлящую, как котел, Германию. Там он вступил в социал-демократическую партию и стал таким активным ее деятелем, что за него всерьез взялась германская полиция. Парвус ударился в бег! Он мотался между Берлином, Дрезденом, Мюнхеном и Лейпцигом, ловко уходил от ищеек, при этом оставаясь главным редактором «Саксонской рабочей газеты».

В этой газете он печатал такие гневные статьи против всякого рода оппортунистов, что на него обратили внимание такие известные лидеры рабочего движения, как Плеханов, Мартов и Ленин. Владимир Ильич даже написал хвалебную рецензию на одну из публицистических книг Парвуса, назвав его «талантливым германским публицистом, который пишет под псевдонимом Парвус», и рекомендовал книгу «всем читателям, интересующимся отмеченными вопросами».

А в одном из писем Ленин писал: «Я не имею ни малейшего представления об его личном характере, но отнюдь не отрицаю в нем крупного таланта». Несколько позже состоялось их личное знакомство, оно было настолько результативным, что Парвус начал активно сотрудничать в «Искре» под псевдонимом Молотов.

О том, что Парвус был действительно крупным талантом, говорит хотя бы тот факт, что в 1904 году он предсказал поражение России в войне с Японией. Предсказал он и последовавшую затем революцию. Больше того, Парвус стал одним из основных идеологов так называемой перманентной, то есть непрерывной революции.

Но Парвус был не только пропагандистом и теоретиком, он жаждал настоящей, баррикадной борьбы. Именно поэтому в дни революционных событий 1905 года он примчался в Петербург, вошел в состав Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов и заявил о себе как о наиболее последовательном и решительном борце против царизма. Это не осталось незамеченным: Парвуса арестовали, осудили и сослали в Сибирь. Не будь дураком, Парвус быстренько оттуда бежал и снова оказался в Германии. Он пишет книги, публикует чрезвычайно острые статьи, анализирует причины неудачи первой русской революции. В эти годы его авторитет среди эмигрантов был, пожалуй, повыше, нежели у Ленина. Ильич на это реагировал довольно болезненно, он обвинял Парвуса в «полнейшем незнании русских политических вопросов» и даже позволил себе обозвать только что бежавшего из сибирской ссылки революционера пошляком.

Парвус понял, что первым среди борцов за рабочее дело ему не быть, а слыть вторым он просто не мог, поэтому махнул на всю эту подковерную борьбу рукой и занялся коммерцией. Несколько лет он был литературным агентом Максима Горького, причем настолько успешным, что только за пьесу «На дне» собрал более 100 тысяч марок – вот только потратил их не по назначению, то есть не отдал в партийную кассу, за что его подвергли ostracismu и русские, и немцы.

Парвус легко пережил эту неприятность и махнул в Стамбул. Там-то и началась, как многие тогда говорили, «самая сенсационная глава жизни этого человека». Дело в том, что в октябре 1912 года начались так называемые Балканские войны. Их было две, и закончились они в августе 1913 года. Суть их в том, что Болгария, Греция, Сербия и Черногория, заключив союз, начали борьбу за освобождение от турецкого ига. Первыми начали Албания и Македония, потом к ним присоединились остальные. Союзники мобилизовали около миллиона человек, неплохо их вооружили, раздобыли более полутора тысяч орудий и двинулись на турок. С моря их прикрывали четыре греческих линкора, три крейсера и восемь эсминцев.

Поначалу дела у союзников шли более чем успешно: турки терпели поражение за поражением и на всех фронтах отступали, больше того, в конце года они запросили мира. В мае 1913-го в Лондоне был подписан мирный договор, по которому Турция лишилась почти всех своих владений в Европе. Но уже в июне началась вторая Балканская война. На этот раз она

велась между Болгарией с одной стороны, и Сербией, Грецией, Румынией, Черногорией и Турцией – с другой.

Лучше всех в этой неразберихе сориентировался Парвус. Как только раздались первые выстрелы, он тут же рванул в Стамбул в качестве военного корреспондента одной из германских газет. На самом деле никаких репортажей с полей боев он не писал, а был правой рукой немецкого военного атташе генерала фон Сандерса.

И это не случайно, ведь уже больше года Парвус был агентом германского Генерального штаба.

Отстаивая интересы Германии, Парвус ни на секунду не забывал о своих. Он прекрасно понимал, что война – это, прежде всего, оборот гигантских денежных сумм. Значит, надо торговать! И Парвус торговал. Скажем, туркам не хватало хлеба и они были готовы покупать его хоть втридорога. Парвус находит посредников в России, заключает чрезвычайно выгодный контракт и спасает Турцию от голода. Но это вовсе не значит, что он идейный сторонник Турции. Прекрасно зная, что болгарам, грекам и сербам катастрофически не хватает оружия и боеприпасов, Парвус продает им огромные партии устаревшего немецкого оружия.

Деньги он на этом сколотил огромные! Когда началась Первая мировая война, возможностей делать деньги стало еще больше, но Парвус снова заболел политикой. А так как он оставался агентом германского Генерального штаба, то, естественно, употребил свои таланты на благо Германии. Уже в марте 1915-го он предоставил руководству детально разработанный план под названием «Подготовка массовой политической забастовки в России». В историю он вошел как «Меморандум д-ра Гельфанда».

Читая этот документ, невольно приходишь к выводу, что если и были у России по-настоящему злобные, коварные и сатанински вероломные враги, то одним из главных был, конечно же, Парвус. Он хорошо знал Россию, знал, каково ее внутриполитическое положение, какова экономика и чем дышат люди. Поэтому он бил наверняка, бил по самым болезненным и уязвимым местам. Начать он предлагал с организации железнодорожной забастовки, которая прервет сообщение Центра с фронтом, и, стало быть, ни из Петрограда, ни из Москвы на фронт нельзя будет подвезти ни снаряды, ни патроны, ни хлеб, ни бинты. А чтобы подстраховаться, надо взорвать железнодорожные мосты. Кто это сделает? Специально обученные агенты, причем из русских социал-демократов, которых следует загодя переправить в Россию. Мосты надо взорвать и в Сибири, чтобы воспрепятствовать поставке оружия из Америки. Кроме того, необходимо, не жалея денег, «оказывать финансовую поддержку группе большевиков в российской социал-демократической партии, которая борется против царизма всеми доступными средствами; ее вожди находятся в Швейцарии».

На реализацию этого плана Парвус запросил 20 миллионов марок. Скупердяи немцы для начала выделили 5 миллионов, оговорив, что деньги должны быть потрачены «на революционную пропаганду в России».

Но главное сошлось: большевики, то есть Ленин, желают того же, что и агент германского Генерального штаба Парвус, – поражения России в войне. А раз так, большевикам надо помогать! Сделав такой вывод, берлинские стратеги начали действовать. Для начала через третьих лиц они организовали встречу Ленина и Парвуса. В мае 1915-го Парвус приехал в Швейцарию и повидался с Лениным. Но, судя по свидетельству самого Парвуса, она закончилась ничем. И это естественно. Не мог же Ленин ослабить и без того немногочисленную партию, отправив в Россию большевиков, чтобы взрывать мосты.

Хорошо, решил Парвус, значит, еще не время, и вернулся в Копенгаген, где на немецкие деньги создал «Общество социальных исследований последствий войны». Ни у кого не вызвало сомнений, что это «Общество» было своеобразным филиалом разведорганов. А хитрован Парвус, потерпев фиаско в деле привлечения к своей деятельности Ленина, решил действовать не напрямую, а через ближайших сторонников Ильича: он пригласил на работу в качестве

сотрудников «Общества» таких известных большевиков, как Яков Ганецкий (Фюрстенберг), Моисей Урицкий и Григорий Чудновский.

Несколько позже этот ход Парвуса полностью себя оправдывает. А пока что он продолжал спекулировать всем, чем можно, – от консервов и лекарств до бинтов и карандашей, и наживался на войне.

А что же Ленин? Ленин метался, как затравленный зверь, и рвался в Россию. Но как туда пробраться, как? Он прекрасно понимал, что проехать через Англию или Францию – союзниц России в войне против Германии – невозможно: там хорошо знают о его пораженческой позиции. Арестуют – и вся недолга!

– Хорошо, – рассуждал он. – По морю – нельзя, по суше – тоже нельзя. А что, если по воздуху, на аэроплане?

– На аэроплане? – изумлялась Надежда Константиновна. – А где ты его возьмешь? И как будешь им управлять?

– Управлять буду не я, – отмахивался Ильич. – В Швейцарии немало безработных летчиков. Находим такого летчика, он – самолет, и через Германию, Швецию и Финляндию летим в Россию.

– А где будете заправляться? – задавала коварный вопрос Крупская. – Или бочки с бензином возьмете с собой?

– М-да, вопросец! – досадливо морщился Ленин. – Об этом я не подумал. А если сядем на территории Германии, тогда нам крышка.

На следующий день родился еще более диковинный план. Что если выдать себя за шведского туриста, возвращающегося домой? И нужно-то всего ничего – шведский паспорт. Кто его достанет? Да тот же Ганецкий. Ленин отправляет в Стокгольм свою фотокарточку, просит найти похожего на него шведа, оформить паспорт на какого-нибудь Свенсона – и под этим именем Ильич проберется в Россию.

Ганецкий двойника-шведа не нашел – и эта идея отпала.

Но Ленин не сдавался. Однажды ночью он растолкал Надежду Константиновну и ликующе зашептал:

– Я придумал! Потрясающий план! Никто ни о чем не догадается!

– Кто не догадается? О чем не догадается?

– Шведы. Полицейские, таможенники или черт их знает кто... А не догадуются потому, что я прикинусь... глухонемым. Да-да, глухонемым шведом. Каково, а?! – торжествующе воскликнул он.

– Отличная идея. Вот только... Ты ведь во сне иногда разговариваешь. Не дай бог, присятся тебе меньшевики. Ты не удержишься и начнешь во сне ругаться, причем по-русски: сволочи, сволочи! И что тогда?

– Тогда пропала конспирация, – уныло согласился Ленин.

– Ну, меньшевики тебя, может быть, и не посетят, – пожалела его Крупская. – Но ведь шведские полицейские не дураки: они могут тебя заставить заполнить анкету или написать какое-нибудь заявление. Ты хоть по-шведски-то писать умеешь?

– Увы... Матушка не научила.

– Тогда придется прикидываться не только глухонемым, но и слепым.

– Так что же делать?! Как быть?! Нельзя же без конца сидеть в этой швейцарской клетке, – забегал он по комнате. – Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!

Выручил, как это ни покажется странным, лидер меньшевиков Юлий Мартов (Цедербаум). На одном из совещаний он предложил невероятно дерзкий, но в то же время реальный план легального проезда русских эмигрантов через воюющую Германию в порядке их обмена на германских пленных. Этот план так сильно понравился Ленину, что он тут же принялся за

его разработку. В тот же день он отправил своему другу Владимиру Карпинскому своеобразную инструкцию.

«План Мартова хорош, – писал он. – За него надо хлопотать. Только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам... с просьбой поговорить об этом с послом германского правительства в Берне. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем: наше участие испортит все. Но план, сам по себе, очень хорош и очень верен».

После предварительного зондажа выяснилось, что швейцарские министры наотрез отказались вести такие переговоры: они боялись французов и англичан, которые могли усмотреть в этом нарушение нейтралитета. Тогда за дело взялся, причем в частном порядке, лидер швейцарских социал-демократов Роберт Гримм. Одним из условий, на которых он соглашался вести переговоры, было официальное согласие Временного правительства на эту необычную акцию.

Ленин понимал, что о таком согласии не может быть и речи, поэтому разразился гневной эскападой.

– Сидящие в Петрограде социал-патриоты заинтересованы в том, чтобы мы подольше здесь сидели и не мешали им вовлекать российский пролетариат в продолжение начатой царизмом империалистической войны. Наш долг – не допустить этого. Чего вы боитесь? Будут говорить, что мы воспользовались услугами немцев? Все равно и так говорят, что мы, интернационалисты, продались немцам... Откладывая поездку, мы нанесем вред рабочему движению.

У Мартова и возглавляемых им меньшевиков была другая, более близкая к жизни, позиция.

– Разве к лицу русским революционерам вступать в переговоры с представителями враждебной державы, используя ее территорию для проезда в Россию? – гневно вопрошали они. – Ну, допустим, Вильгельм согласится пропустить вагон с эмигрантами через Германию, пропустить в своих корыстных интересах, но Временное правительство ни за что не впустит их в Петроград и объявит изменниками.

Так оно и случилось. Позицию Временного правительства огласила парижская газета «Пти Паризьен», которая сообщила, что министр иностранных дел России Милюков недвусмысленно заявил: «Каждого русского политэмигранта, посмевшего проехать через Германию, в России будут отдавать под суд как изменника родины».

Все хорошо знали, что во время войны изменников родины ждет расстрел, поэтому большая часть политэмигрантов от идеи поездки отказалась. И тогда Ленин открыто – в печати и на митингах – огласил свою позицию. Он произнес те слова, которые слетели с его уст во время ночной пикировки с Надеждой Константиновной.

– Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!

Это заявление не осталось незамеченным. Именно в те дни, прочтя это воззвание в газетах, британский премьер-министр Ллойд Джордж записал в своем дневнике: «Тень огромной фигуры Ленина начала подниматься над горизонтом».

Вагон, решивший судьбу России

Тем временем Роберт Гримм вышел на германского посла в Берне фон Ромберга. Посол понял его с полуслова и тут же связался с Берлином. В министерстве иностранных дел были так рады неожиданному подарку, что, в нарушение строжайших инструкций, среди ночи подняли на ноги руководство Генерального штаба и потребовали, чтобы военные обеспечили беспрепятственный проезд русских эмигрантов. А уже утром в Берн ушла телеграмма: «Специальный поезд получит военное сопровождение. Передача произойдет на пограничной станции Готмадингген или Линдау ответственным сотрудником. Немедленно вышлите информацию о дате отправления и список отъезжающих».

Получив такой недвусмысленный карт-бланш, фон Ромберг развил бурную деятельность. Вскоре он понял, что Гримм для такого дела не подходит – уж очень он осторожен и рационалистичен.

Фон Ромберг начал искать выходы непосредственно на Ленина, но тот, боясь себя скомпрометировать прямыми контактами с немцами, на встречу с представителем воюющей с Россией державы не шел.

А из Берлина нажимали! Буквально через день оттуда пришла еще более категоричная телеграмма: «Согласно полученной здесь информации желательно, чтобы проезд русских революционеров через Германию состоялся как можно скорее, так как Антанта уже начала работу против этого шага в Швейцарии. Поэтому рекомендуем действовать с максимально возможной скоростью».

Не сидел без дела и Парвус. Он чуть ли каждый день наведывался в Берлин и в конце концов смог убедить скептически настроенного Людендорфа в том, что «самое выгодное дело для Германии – это как можно быстрее доставить Ленина, яростного противника войны, в Россию».

Через служащего своей торговой фирмы и представителя большевиков в Копенгагене Якова Ганецкого Парвус сообщил Ленину, что договорился с Берлином о возможности проезда русских политэмигрантов через Германию.

Ленин не на шутку испугался! Еще бы, ведь о связи Парвуса с германским Генеральным штабом знала вся Европа, и, не дай бог, станет известно, что организатором поездки большевиков является Парвус, а это значит – немецкие генералы, тогда репутации Ленина конец.

«Нет-нет, связывать свое имя с именем Парвуса нельзя! – решил Ленин и тут же телеграфировал Ганецкому: – Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю „Колокола“, я, конечно, не могу».

Но Парвус свое дело сделал. Достоверно известно, что прежде чем дать согласие на проезд русских политэмигрантов через территорию Германии, и Людендорф, и другие руководители Генштаба имели продолжительные беседы с Парвусом. В конце концов он убедил немецких генералов в том, что Германия от этого только выиграет.

А в Берне дела шли не столь блестяще – фон Ромберг никак не мог выйти на Ленина или на кого-либо из его доверенных лиц. И вдруг ему доложили, что в посольство явился швейцарский социалист Фриц Платтен и просит его принять по неотложному вопросу.

– Этому-то чего надо? – изумился Ромберг. – Неужто и нейтралы затеяли революцию и им необходимо немецкое оружие? А впрочем, пропустите, пусть войдет, – сказал он секретарю.

Когда на пороге кабинета появился высокий, элегантно одетый и к тому же откровенно красивый джентльмен, Ромберг подумал, что быть швейцарским социалистом, судя по всему, не так уж и плохо. Да и кадры они подбирают отменные: такой господин украсил бы правление какого-нибудь банка или совет директоров солидной фирмы.

– Проходите, – невольно привстал Ромберг. – Садитесь. Чай, кофе?

– Кофе, – как-то по-особенному вальяжно сел в кресло уважаемый посетитель.

– С чем пожаловали? Чем могу быть полезен? – поинтересовался Ромберг.

– Весна в этом году ранняя, – начал издали Платтен. – И погода почти летняя.

– Весьма тонкое наблюдение, – съязвил Ромберг.

– А кофе у вас отменный, – сделав вид, что ничего не заметил, продолжал светскую беседу Платтен. – И где вы его только достаете?

– Там же, где и все, – на черном рынке, – криво усмехнулся Ромберг.

– Да уж! – хохотнул Платтен. – На черном рынке можно достать все, даже русские газеты, – неожиданно посерьезнел он. – Господин посол, а вы читаете русские газеты?

– Зачем? – пожал плечами Ромберг. – Если есть что-то интересное, это переводят на немецкий в отделе печати и в виде обзоров присылают мне из Берлина.

– Про революцию вы, конечно, читали, – констатировал Платтен. – И про неумное желание Временного правительства продолжать войну с Германией тоже знаете. Между тем есть люди, которые Германии могут помочь, – они ратуют за выход России из этой варварской бойни. Представляете, как выиграет Германия, если вдруг исчезнет Восточный фронт?!

– И что же это за люди? – с трудом прочистив мигом пересохшее горло, спросил Ромберг. Ему стоило огромных усилий сделать вид, что он ни о чем не догадывается.

– Они здесь, в Швейцарии, – кивнул за окно Платтен. – Это, прежде всего, Ленин и его правая рука Зиновьев. – И если им помочь...

– Поможем! – наклонившись через стол, свистяще прошипел Ромберг. – Таким людям нельзя не помочь.

– Я знал, что мы пойдем друг друга, – протянул ему руку Платтен. – Если не возражаете, я зайду к вам завтра, и мы обсудим детали.

– До завтра, – с трудом сдерживая нетерпение, встал из-за стола Ромберг.

А Платтен, невозмутимый Платтен, вдруг скривился от боли, как-то по-детски ойкнул и рухнул в кресло.

– Что с вами? – бросился к нему Ромберг.

– Рука, – выдавил побледневший Платтен. – Левая рука, будь она неладна... Я неловко облокотился, а она этого не любит.

– Позвать врача? – обеспокоено предложил Ромберг.

– Врач здесь не поможет, – вытирая холодный пот, процедил Платтен. – Когда-то я сорвался со скалы, сломал руку, а кости срослись неправильно, да и суставы – ни к черту. Но это было давно. Я привык... Всё, кажется, отпустило. Не обращайтесь. Так, значит, до завтра, – коротко кивнул он и стремительно вышел из кабинета.

А Ромберг, еле сдерживая нетерпение и потирая руки, бросился к шифровальщику.

– Телеграмма. Молния! В Берлин! – победно воскликнул он. – Пишите... «Сегодня меня посетил видный швейцарский социалист Фриц Платтен и от имени группы русских социалистов, в частности, их руководителей Ленина и Зиновьева, обратился с просьбой разрешить проезд через Германию небольшому числу самых видных эмигрантов. Платтен утверждает, что события в России принимают опасный для вопроса о мире поворот, и необходимо сделать все возможное для отправки вождей-социалистов в Россию, так как там они пользуются значительным влиянием».

Утром следующего дня Платтен был немногословен. Он положил на стол Ромберга сложенный вчетверо лист и, потирая небритый подбородок, устало бросил:

– Над этим документом мы трудились всю ночь. Назвать его можно так: «Условия, на которых эмигранты согласны совершить переезд».

Должен предупредить, что редактированию этот текст не подлежит, хотя, конечно, точки или запятые можно поставить в других местах. Читайте, господин посол, лучше – вслух, чтобы я мог сразу же ответить на возникшие у вас вопросы.

– Хорошо, – согласно кивнул Ромберг и надел очки.

«1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должны иметь места ни распоряжения о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при поездке без технической надобности.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязаны агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали, должны быть немедленно согласованы.

Берн – Цюрих. 4 апреля 1917 года.

Фриц Платтен».

– Что скажете? – заметив озабоченность Ромберга, поинтересовался Платтен.

– Вопросы у меня есть, и их немало, – поднял глаза от бумаги Ромберг и нервно закурил, но тут же, спохватившись, протянул портсигар Платтену. – Курите, – предложил он.

– Нет-нет, – протестуя, поднял руки Платтен. – Не курю.

– Бросили?

– Бросил, и очень давно.

– Неделю назад? – недоверчиво усмехнулся Ромберг.

– Чуть больше. А если точно, то двадцать лет назад.

– Тогда у вас должно быть отменное здоровье... которое позволит успешно завершить задуманную нами акцию, – неожиданно холодно закончил он. – А теперь, с вашего позволения, перейдем к вопросам. – Ну, едем мы с вами по Германии. Едем, едем, а куда? Каков конечный пункт?

– Конечный пункт – германский порт Засниц. Между этим городом и шведским Треллеборгом ходит железнодорожный паром «Королева Виктория» – на него мы и должны попасть.

– Хорошо. А что означает термин «легальные лица», которые желают поехать в Россию?

– Речь идет о членах семей политических эмигрантов, в основном детей и женах.

– Понятно... А как вы себе представляете процедуру обмена русских политэмигрантов на немецких и австрийских пленных?

– Я же написал: мы будем агитировать с целью проведения этого обмена в жизнь.

– И всё?

– Господин посол, вы же прекрасно понимаете, что пока большевики не у власти, они ничего не смогут сделать для реального выполнения этого обязательства. Больше того, они рискуют жизнью, взяв на себя другое обязательство – остановить войну, тем самым предоста-

вив возможность Германии перебросить десятки боеспособных дивизий на Западный фронт. Или Германия все еще горит желанием воевать на два фронта?

– Вы забыли, что я дипломат, и на такого рода вопрос не могу ответить ни «да», ни «нет». Еще один вопрос, на это раз последний: сколько пассажиров будет в этом вагоне?

– Я думаю, человек пятьдесят – шестьдесят.

– И вы их хорошо знаете?

– Одних лучше, других хуже, но поручиться готов за каждого. Или этого мало? – с металлом в голосе спросил Платтен.

– Что вы, что вы, этого достаточно! – обезоруживающе поднял руки Ромберг. – Единственное, что хотел бы уточнить: как вы себе представляете их отъезд? На перроне будет оркестр, потом пройдет митинг, вы помашете им вслед – и провожающие разойдутся по домам? Или у вас какой-то другой, более оригинальный сценарий?

– А вы веселый человек, – натянуто улыбнулся Платтен. – Ни о каких оркестрах, митингах и тому подобном не может быть и речи – это во-первых. Было бы очень хорошо, если бы об этой акции ничего не пронюхала пресса. И вообще, господин посол, чем меньше шума, чем меньше утечек информации, тем лучше. Надеюсь, вы понимаете, что это в наших с вами интересах. А во-вторых, господин посол, я не собираюсь, как вы изволили выразиться, махать им вслед. Раз они мне доверились и раз я за них ручаюсь, то я поеду с ними, причем до самой шведской границы.

– Браво, господин Платтен! – воскликнул Ромберг. – Иного ответа я и не ожидал. Все, больше вопросов не имею, – встал он из-за стола. – Как вы понимаете, решение принимаю не я, поэтому ваши «Условия» я должен передать в Берлин. И чем быстрее, тем лучше. Поэтому – до завтра.

– До завтра, – поднялся и Платтен.

Телеграмма, которую Ромберг тут же отправил в Берлин, была требовательно-лаконичной.

«Посетивший меня сегодня Фриц Платтен выразил готовность поручиться за каждого из группы русских политэмигрантов, а также обязался сопровождать вагон до границы вместе с немецкими представителями. Поскольку их немедленный отъезд в наших интересах, я настоятельно рекомендую выдать разрешение сразу же, приняв изложенные „Условия“».

Отправив эту телеграмму, барон Ромберг надолго задумался. Он был опытным дипломатом, да и в разведке знал толк, поэтому ему не давала покоя простая, как ножка стула, мысль: «Кому я доверился? Кто он такой, этот Платтен? Откуда он взялся? Не подстава ли это английской или французской разведок? Почему он помогает большевикам, которые, по большому счету, самые вероломные враги России и которых, если смотреть правде в глаза, всех до единого надо поставить к стенке? А может, как раз этого он и добивается? Ведь не может же он не знать о заявлении Временного правительства о том, что каждого русского политэмигранта, посмеявшегося проехать через Германию, в России будут отдавать под суд как изменника родины. А в военное время изменника ждет расстрел или, еще хуже, петля.

Слов нет, Германии все это выгодно. Но нет ли в этой акции какого-то потаенного смысла? Я понимаю, если бы Платтен был не швейцарским социалистом, а, скажем, немецким монархистом, жаждущим победы германского оружия, тогда все было ясно и понятно, а так... Нет, что-то тут не сходится, что-то не стыкуется.

На кого работает Платтен, чего он добивается, какова его конечная цель? Чтобы это понять, надо разобраться в личности Платтена, надо задать самый популярный у американцев вопрос: „Кто вы, мистер Платтен?“ Кому его задать? Слава Богу, в Германии есть не только

полиция, но и разведка, и контрразведка. Пошлю-ка я запрос им, пусть пороются в своих архивах».

Приняв такое решение, Ромберг вызвал шифровальщика и продиктовал соответствующие телеграммы, не преминув добавить, что ответ требуется максимально быстрый.

Как оказалось, досье на Платтена в Берлине было, но такое тоненькое, что Ромберг был откровенно разочарован. И все же он узнал, что выдающий себя за лощеного джентльмена господин – всего лишь сын столяра-краснодеревщика, что когда ему надоело делать шкафы, столы и стулья, он ударился в политику – на митингах и демонстрациях задиристому Платтену не было равных: оратор из него получился отменный, его даже называли швейцарским Либкнехтом.

Сейчас он – секретарь социал-демократической партии Швейцарии, до этого возглавлял интернационалистов-социалистов, а еще раньше был партийным агитатором латвийской секции РСДРП.

– Так вот где собака зарыта! – воскликнул Ромберг, – оказывается, он был членом РСДРП. А этой партией руководит не кто иной, как Ленин. Значит, они одного поля ягоды, значит, Платтен тайный большевик... Впрочем, это вовсе не обязательно, куда заманчивее работать на большевиков, формально оставаясь швейцарским социал-демократом. Так, а что он делал в Латвии? Все ясно, – перевернул еще одну страничку досье Ромберг, – никакой вы, господин Платтен, не агитатор, а самый обыкновенный террорист. Да-да, террорист, или, как их тогда называли, боевик, выдающий себя за идейного борца с царизмом. Вам-то что дело до царизма, а, господин Платтен? Так нет же, вы взялись поставлять оружие рижским боевикам и организовывать уличные беспорядки. За что вас в 1906-м арестовали. Могли ведь и расстрелять, военно-полевые суды тогда не церемонились. А это что за бумажка? Ого, это копия постановления об освобождении Платтена под залог в пять тысяч рублей. Деньги внесла его невеста, а впоследствии жена, Лина Хаит.

– А это что за рапорт? – продолжал листать досье Ромберг. – Так-так, негласный агент гамбургской полиции, служивший помощником боцмана на германском торговом судне, сообщает: «На нашем пароходе большая часть матросов сочувствовала борьбе рижских рабочих против царизма. Поэтому они охотно взяли помочь какому-то боевику, который просил спрятать его от русских жандармов. Они не замедлили явиться на борт, перерыли весь пароход от клотика до киля, но боевика не нашли. И лишь когда мы вышли в нейтральные воды, матросы дали условный знак и на палубе появился негр. Он хорошо говорил по-немецки и назвал себя Фрицем Платтенем. А не нашли его потому, что пока мы шли в нейтральные воды, он находился в паровой трубе и висел там на руках».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.